

А. В. СТОГОВА

РОЯЛИСТКА ИЛИ ЛЕСБИЯНКА?

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ТВОРЧЕСТВА КЭТРИН ФИЛИПС

Ключевые слова: историография, Кэтрин Филипс, гендерная история, история лесбиянства, роялистская поэтика

Аннотация: В статье рассматриваются интерпретации творчества английской поэтессы Кэтрин Филипс, возникшие в рамках двух историографических направлений конца XX — начала XXI веков. Автор исследует суть конфликта этих интерпретаций и перспективы его преодоления.

Противоречащее логике противопоставление, заявленное в названии, знакомо многим исследователям по их собственному материалу. В историографии нередка ситуация игнорирования историками других направлений, даже если исследования ведутся на том же самом материале. Во многом это обусловлено обилием работ, которые необходимо прочитывать исследователю.

Очень часто такое игнорирование затрагивает гендерную историю, которая порой расценивается как изучение частных случаев, не выходящее на серьезные социальные, политические, или ментальные проблемы. Отношение это парадоксально, постольку гендерная история собственно и есть ракурс рассмотрения этих самых «больших» проблем. С другой стороны, сама гендерная история изначально носила протестный характер. Она была тесно связана с феминистским движением, и одной из ее задач было написание «другой истории», не просто той, что раньше игнорировалась, но, вероятнее всего, вовсе не совпадающей с традиционной мужской версией.

Сказанное можно отнести к состоянию историографии в отношении английской поэтессы XVII века Кэтрин Филипс. В ее случае ситуация усугубляется тем, что гендерная история представлена в своей «крайней форме» — гей-лесбийских исследованиях, одно название которых вызывает у большинства исследователей активное нежелание иметь с ними что-либо общее. В итоге подобные исследования существуют сами по себе, работая на определенную субкультуру, и эта линия историографии, кстати сказать, очень

активно развивающаяся и одна из наиболее «передовых» в плане соотнесения с трудами современных философов, оказывается в полном вакууме.

Безусловно, на сложившуюся ситуацию уже обращалось внимание. Кэтрин Грей в 2002 году отмечала, что лесбийская интерпретация творчества Филипс тяготеет к его полной деполитизации, что, по ее мнению, грозит опасностью анахроничного использования модели разделенных сфер (частной и публичной)¹. Хотя игнорирование самой лесбийской интерпретации не кажется ей противоестественным или чреватым какими-либо искажениями.

Очевидно, что роялистская интерпретация существует в течение более длительного времени. Революционные события середины XVII века являются ключевыми для рассмотрения любого аспекта истории и культуры этого столетия, история литературы также традиционно связывалась с английской революцией. Исследователи давно отметили тот факт, что художественная литература играла одну из ключевых ролей в политической культуре, особенно в поддержке и распространении роялистских взглядов во время английской революции².

В последнее время особое внимание авторы уделяют проблеме роялистской поэтики и роялистской идентичности: каким образом литературные жанры, обычно лишь в небольшой степени задействующие политический дискурс, оказываются одними из основных

¹ Gray C. Katherine Philips and the Post-Courtly Coterie // *English Literary Renaissance*. 2002. V. 32. № 3. P. 428.

² Вот только несколько последних работ на эту тему: *Chalmers H. Royalist Women Writers, 1650–1689*. Oxford, 2004; *Corns T. N. Uncloistered Virtue. English Political Literature, 1640–1660*. Oxford, 1992; *The English Civil Wars in the Literary Imagination / Ed. by C. J. Summers and T. L. Peabworth*. Columbia, 1999; *Groot J. de. Royalist Identities*. Basingstoke, 2004; *Literature and the English Civil War / Ed. by T. Healy and J. Sawday*. Cambridge, 1990; *Loxley J. Royalism and Poetry in the English Civil Wars*. Basingstoke, 1997; *MacLean G. M. Time's Witness. Historical Representation in English Poetry, 1603–1660*. Wisconsin, 1990; *Politics of discourse: The Literature and History of Seventeenth-Century England / Ed. by K. Sharpe and S. N. Zwicker*. Berkley, Los Angeles, 1987; *Potter L. Secret Rites and Secret Writings. Royalist Literature, 1641–1660*. Cambridge, 1989; *Wilcher R. The Writing Royalism, 1628–1660*. Cambridge, 2001; *Wiseman S. Drama and Politics in the English Civil War*. Cambridge, 1998.

среди форм выражения лояльности свергнутому режиму; какие дискурсы актуализируются, чтобы служить выражением политических пристрастий. Именно в такого рода исследованиях в 1990–2000-х годах большое внимание стало уделяться Кэтрин Филипс. Творчество этой молоденькой³ поэтессы из пуританской семьи, вышедшей замуж за сторонника Кромвеля, но симпатизировавшей роялистам, позволяет исследователям выискивать политический дискурс не только в стихах, посвященных королевской семье, но и в, казалось бы, не имеющих никакого отношения к политике воспеваниях женской дружбы.

Связано это с тем, что среди прочих исследователи выделяют дружеский дискурс, активно использовавшийся авторами-роялистами для выражения своей лояльности. В роялистской литературе был актуализирован прежде всего этический статус дружеских отношений.

Среди авторов, затрагивавших этот аспект, следует назвать Э. Хобби, К. Лилли, Дж. Локсли, К. Бараш, Р. Эванса и др.⁴ Элейн Хобби, изучавшая женское творчество второй половины XVII века, отмечает, что Оринда (таков был литературный и салонный псевдоним К. Филипс) активно использует тему разлуки и уединения, популярную среди поэтов-роялистов⁵. Роберт Эванс также анализирует поэзию Оринды, отмечая не только ее эмоциональные

³ Кэтрин Филипс родилась в 1632 году и в 1664 умерла от оспы в возрасте 32 лет.

⁴ *Barash C.* English Women's Poetry, 1649–1714: Politics, Community, Linguistic Authority. Oxford, 1996; *Chalmers H.* Royalist Women Writers, 1650–1689. Oxford, 2004; *Evans R. C.* Paradox and Politics: Katherine Philips in the Interregnum // *The English Civil Wars in the Literary Imagination* / Ed. by C. J. Summers and T. L. Peabworth. Columbia, 1999. P. 174–185; *Hobby E.* Virtue of Necessity: English Women's Writing 1649–1688. L., 1988; *Lilley K.* 'Dear Object': Katherine Philips's Love Elegies and their Readers' // *Women Writings, 1550–1750* / Ed. by J. Wallwork and P. Salzman. A special issue of *Meridian, the La Trobe University English Review*. 2001. V. 18. № 1. P. 163–178; *Loxley J.* Unfettered Organs: the Polemical Voices of Katherine Philips // *This Double Voice: Gendered Writings in Early Modern England* / Ed. by D. Clarke and E. Klarke. Basingstoke, 2000. P. 230–248; *Idem.* Royalism and Poetry in the English Civil Wars. Basingstoke, 1997; *Wilcher R.* The Writing Royalism, 1628–1660. Cambridge, 2001.

⁵ *Hobby E.* Virtue of Necessity. P. 134–135.

отклики на события гражданской войны, но и то, что сопутствующий им очень активный воинственный дискурс задействован и в ее дружеской лирике⁶. В то же время он подчеркивает неоднозначность ее взглядов, поскольку многие из ее фраз выглядят довольно странно с точки зрения роялистов⁷.

Наиболее обстоятельная работа принадлежит Хиро Чалмерсу⁸. Он отмечает, что обе ближайшие подруги Оринды — Мэри Обри (Розания) и Анна Оуэн (Люкасия) были роялистками, что все члены «Общества дружбы»⁹, созданного Кэтрин Филипс, также были исключительно роялистами. Кроме того, Чалмерс прослеживает в лирике К. Филипс все основные дискурсивные особенности роялистской среды того времени: использование понятия «друзья» для обозначения сообщества роялистов, риторика разлуки (вызванной гонениями и гражданской войной) и текстуальное воссоединение «друзей», необходимость сохранения секретов и т. п. Схожую стратегию объединять разлученных людей в единое сообщество при помощи поэзии отмечает М. Эзелл, говоря о творчестве леди Элизабет Бреккли и леди Джейн Кавендиш¹⁰. Друзья означают в этом случае прежде всего политических единомышленников, а «дружба оказывается чем-то очень близким к лояльности королевскому делу...»¹¹.

Активное изучение творчества Кэтрин Филипс связано и с феминистской историографией и гей-лесбийскими исследованиями, основной интенцией которых было написание истории гомосексуализма, замалчиваемой прежде в силу предрассудков. Пафосом первых исследований был критический анализ текстов

⁶ *Evans R. C. Paradox and Politics*. P. 178.

⁷ *Ibid.* P. 179.

⁸ *Chalmers H. Royalist Women Writers*.

⁹ «Общество дружбы» — своеобразное объединение друзей Оринды в Лондоне и Уэльсе, члены которого имели прециозные псевдонимы. В основе создания этого общества лежали неоплатонические идеалы дружеских отношений К. Филипс. Из-за скудности информации, трактовка «Общества» в историографии сильно варьируется.

¹⁰ *Ezell M. J. M. "To be Your Daughter in Your Pen": The Social Functions of Literature in the Writings of Lady Elizabeth Brackley and Lady Jane Cavendish // Huntington Library Quarterly*. № 51. 1988. P. 287.

¹¹ *Chalmers H. Royalist Women Writers*. P. 61.

различных авторов с целью обнаружения гомосексуального и гомоэротического подтекста, скрытого под маской традиционных дискурсов. Это позволяло установить историческую традицию квир-идентичностей.

Дружеский дискурс в поэзии одним из первых подвергся переинтерпретации, а Кэтрин Филипс, которую уже вскоре после смерти стали именовать «английской Сапфо», превратилась в одну из ключевых фигур конструируемой истории лесбиянства. Первые из посвященных ей исследований, которые были написаны в этом ключе, главным образом обосновывали возможность написания истории лесбиянства и, в частности, возможность интерпретации сочинений Оринды как лесбийских¹². Именно авторы этих трудов обратили внимание на тот факт, что в своей дружеской лирике, посвященной отношениям между женщинами, Филипс заимствует мужской дружеский дискурс, а также мужской дискурс гетеросексуальной любви. В частности, Харриет Андреадис в одной из первых своих работ пишет:

«именно использование Филипс традиций мужского поэтического дискурса, в особенности метафизического и роялистского, и ее отражение литературной традиции мужской дружбы легализовывало ее нетрадиционную тематику. Поскольку ее дискурс был привычен, то и ее тематика была приемлема»¹³.

Однако такой подход подразумевал существование единой на протяжении истории лесбийской идентичности, основанной на понимании неизменного соотношения нормальной/анормальной, естественной/запретной сексуальности, а также устойчивой корреляции эротического и сексуального.

Дальнейшее развитие феминистской теории, особенно работы Джудит Батлер, проблематизировали основные концепты феминистской теории — прежде всего сам концепт «женщины». Стало

¹² См., например: *Andreadis H. The Sapphic–Platonics of Katherine Philips // Signs. 1989. V. 15. № 1. P. 34–60; Faderman L. Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love between Women from the Renaissance to the Present. N. Y., 1981; Libertin M. Female Friendship in women's verse; toward a new Theory of female Poetics // Women's studies. 1982. V. 9. № 3. P. 291–308.*

¹³ *Andreadis H. The Sapphic–Platonics of Katherine Philips. P. 55.*

очевидно, что концепт «лесбиянки» также является продуктом мысли конца XIX — начала XX века и применять его таким, как его сформулировал Зигмунд Фрейд, к более отдаленным эпохам следует по меньшей мере с оговорками. В силу этого, в исследованиях конца 1990-х — начала 2000-х гг. акцент ставится на инаковости и изменчивости самого женского опыта гомоэротических (а не гомосексуальных) отношений предыдущих эпох. Термин «лесбиянство» по отношению к периоду раннего Нового времени заключается в кавычки, чтобы подчеркнуть его культурно-исторические отличия или вовсе заменяется на другие — «женщин-любящих-женщин», «однополую эротику» и т. п. Исследования Элизабет Валь, Харриет Андриадис, Валери Трауб демонстрируют, что в XVII веке постепенно происходило осознание телесных контактов между женщинами как запретных. Эта трансформация связывается исследовательницами с популяризацией медицинских (в том числе и сексуальных) знаний и наплывом эротической и порнографической литературы, касавшейся и отношений между женщинами, из Франции во время английской Реставрации. Все это приводило к постепенному осознанию «сомнительности» как многих форм телесного выражения привязанности между людьми одного пола, так и репрезентаций однополой интимности. Валери Трауб также подчеркивает, что эротизированные мужские отношения имели определенную социальную значимость и пользу, и это в какой-то мере их легитимировало. Женский же публичный дружеский дискурс был малоразвит и лишен этой ценности для общества. И потому он был еще более сомнителен.

Все исследователи рассматривают творчество К. Филипс как ключевой момент в выражении этой трансформации, но по-разному оценивают ее собственное отношение к проблеме телесности. Э. Валь была одной из первых исследовательниц, отметивших, что «для современных критиков сложно охарактеризовать Филипс в рамках пост-фрейдистского понимания сексуальности, которое склоняется к идентификации мужчин и женщин как либо гетеросексуальных, либо гомосексуальных»¹⁴. По ее мнению, отли-

¹⁴ *Wahl E. S. Representations of Female Intimacy in the Age of Enlightenment. Stanford, 1999. P. 130.*

чие ренессансной традиции репрезентации женской интимности заключается в том, что последняя рассматривалась как уступающая брачным узам и обязанностям (и потому относилась преимущественно к юности и статусу девственности). Филипс же конструирует образ женской дружбы, продолжающейся и после замужества и как будто не вступающей в противоречие с семейными обязанностями¹⁵. Она отмечает дискурсивную противоречивость Филипс. Например, Оринда признает телесность и социальность этого мира следствием его несовершенности, которую в идеале должен преодолеть союз двух душ. Но при этом включает определенные телесные удовольствия в прославление этого союза и использует дискурс «завоевания», исключая эгалитаристские мотивы. По мнению Валь, сама конструкция дружеских отношений, создаваемая Филипс, порождает неразрешимые в ее рамках проблемы. Связаны они были не столько с проблематизацией отношений между женщинами, сколько с их превалированием над брачными узам и обязанностями и публичным выражением их интимности, порождающим психологические и сексуальные проблемы.

Харриет Андреадис относит Оринду к числу «респектабельных дам», которые хотели выразить свои эмоции по отношению к друг другу, но не желали быть заподозренными в запретных практиках. По мнению Андреадис именно Кэтрин Филипс «создала дискурсивную конструкцию и оформила дискурсивную стратегию, которые прекрасно служили целям [таких] женщин–писательниц»¹⁶. Андреадис стремится представить используемые Филипс приемы как вполне осознанную попытку легитимировать отношения, понимаемые как запретные:

«...Ее уникальные манипуляции с традициями мужского поэтического дискурса, с аргументативной структурой Джона Донна, с языком кавалеров и традиции платонической любви становятся средствами, при помощи которых она выражала однополюе аффективные импульсы в приемлемой форме. Вклад Филипс состоял в присвоении кавалерских традиций платони-

¹⁵ Ibid. P. 141.

¹⁶ *Andreadis H. Sappho in Early Modern England: Female same-sex Literary Erotics, 1550–1714. Chicago; L., 2001. P. 98.*

ческой гетеросексуальной любви, с их изначально платонической и мужской гомоэротической чувственностью, и в использовании этих традиций и этого дискурса для описания своих отношений с женщинами»¹⁷.

При этом исследовательница делает упор на заимствовании Филипс любовного, а не дружеского дискурса, и в частности подчеркивает:

«поэзия Филипс скорее развивалась параллельно, нежели копировала большую часть поэзии мужской дружеской традиции. Она отличалась от поэзии своих современников своей личной энергией и метафизическим платонизмом, который она использовала, чтобы обращаться к женской дружбе»¹⁸.

Х. Андриадис утверждает, что политическая составляющая творчества Оринды стала подчеркиваться уже после ее смерти издателями ее сочинений, в первую очередь Чарльзом Коттерелом¹⁹. Исследовательница упоминает и нарочито лесбийские репрезентации женской интимности в творчестве М. Кавендиш, А. Бен и Д. Мэнли, но никак не связывает эту их «провокационность» с другой — активным занятием политикой.

Еще одна исследовательница, Валери Трауб, полагает, что осознание проблемности женских отношений пришло уже после Оринды, и именно ее творчество стимулировало этот процесс. Описывая изменения в отношении к женской любви, она отмечает, что в средние века такая любовь считалась от природы невозможной, поскольку тело не отвечало необходимым социальным функциям. Любовь оказывалась возможной, лишь если тело чудесным образом обрело это соответствие, то есть становилось мужским²⁰.

Что касается К. Филипс, то В. Трауб отмечает, что она переформулирует невозможность женской любви, уходя от оплакивания «неподходящей» телесности и неутолимого желания к печальному обсуждению отсутствия друга и выбирая стратегию легитимизации.

¹⁷ Ibid. P. 57.

¹⁸ Ibid. P. 76.

¹⁹ Ibid. P. 82. Сэр Чарльз Коттерел — один из друзей Оринды и издатель первого посмертного собрания ее произведений.

²⁰ Traub V. The Renaissance of Lesbianism in Early Modern England. Cambridge, 2002. P. 288.

При этом Трауб подчеркивает, что не следует рассматривать поэзию Филипс как самовыражение. Лирика начинает четко ассоциироваться с репрезентацией авторских эмоций лишь в эпоху романтизма. Уместней разделять Филипс как автора и «Филипс» как лирический голос и говорить об эффекте субъективности, хотя сам образ Филипс–Оринды активно противится такому разделению. Это связано с представлением об «изобретении поэтической субъективности» в ренессансной литературе и о появлении «эффекта субъективности» в конструируемых лирических образах²¹.

По мнению В. Трауб, настойчивые утверждения «невинности» любви Филипс расценивались исследователями как попытка возвысить лесбийские отношения в очень высокие духовные сферы платонической дружбы, как доказательство, что она не желала телесной близости с друзьями, или как паническое отрицание того, что она на самом деле желала их, или же как стратегическое прикрытие для лесбиянства. Но исследовательница полагает, что ни одна из этих интерпретаций не отражает адекватно присвоения Филипс «невинности» как термина, подходящего для описания женской страсти друг к другу. Она считает, что настойчивое утверждение невинности женских отношений, при очевидной эротической нагруженности стихов, не следует расценивать как «маскировку», сокрытие эротических чувствований или стремление их побороть. Филипс лишь заимствует понятие интимности из предыдущей традиции описания женской любви. Разница же заключается в том, что она его применяет не к девушкам–подросткам, а к зрелым, даже замужним женщинам. К тому же в ее репрезентации отсутствует мир мужчин — мир конфликтов, в ее интерпретации. В. Трауб, приходит к выводу, что творчество Оринды обозначает разрыв между дискурсом чистой, невинной незначительности эпохи Возрождения с одной стороны и усиливающейся публичностью дискурса запретного желания с другой. Во второй половине XVII–XVIII вв. экзальтированная женская дружба все чаще осмысливалась как угроза социальному порядку, ибо она отвлекала женщин от общения с мужчинами. Анализируя различные факторы, В. Трауб приходит к выводу о кризисе гендерной структуры обще-

²¹ Подробно об этом см.: *Fineman J. The Subjectivity Effect in Western Literary Tradition. Cambridge, 1991.*

ства в конце XVII — начале XVIII вв., который обычно считают завершённым уже к 1700 г.²² По мнению исследовательницы, переформулирование Филиппа категории природы в применении к женской дружбе, стало свидетельством поворота, который постепенно привел к делигитимизации женской дружбы.

Все эти исследования касаются изменчивости представлений о норме и отклонении, которые предстают как две подвижные, но противопоставленные категории. Между тем, напрашивается вывод не только об изменении границы между нормальным и аномальным, но и о том, что четкое противопоставление если и существовало, то лишь как «универсалия». На деле же можно говорить о взаимоперетекаемости нормального в аномальное и обратно, когда каждое конкретное воплощение может расцениваться по-разному в зависимости от обстоятельств и контекстов, а также точки зрения наблюдателя. Не случайно комедии этого времени полны различными ситуациями неадекватного понимания, кажимости, когда воспринимаемое в определенных категориях явление могло обернуться своей полной противоположностью. И даже поведение, репрезентируемое как запретное, на уровне действительных практик могло быть более приемлемым. К тому же разными институтами «аномальное» поведение расценивалось по-разному: официальная церковь всегда была строже к содомитам, нежели государство²³. В этом смысле любой аспект гендерной идентичности мог быть проблематизирован, делая условным само реальное воплощение «нормального поведения»²⁴.

Касается это не только соотношения между нормой и аномалией или признанного для раннего Нового времени сложного соот-

²² Traub V. The Renaissance of Lesbianism. P. 322.

²³ Этот тезис подтверждает, в частности, исследование У. Нэфи о содомии: Naphy W. Sodomy in Early Modern Geneva: Various Definitions, Diverse Verdicts // Sodomy in Early Modern Europe / Ed. by T. Betteridge. Manchester, 2002. P. 94–111.

²⁴ В качестве примера можно привести исследование Валерии Венуччи о маскулинности в ренессансной Италии, в котором демонстрируется, что даже внешне гипермаскулинное сексуальное поведение могло в определенных аспектах рассматриваться как феминизированное. См.: Finucci V. The Manly Masquerade: Masculinity, Paternity, and Castration in the Italian Renaissance. Durham, 2003.

ношения частной и публичной сфер, не менее условной можно считать и границу между отдельными (для современного исследователя) понятиями.

Очевидно, что существует явное расхождение между двумя интерпретациями поэзии Филипс. Одна акцентирует чрезвычайную интимность и эротичность ее дружеских стихотворений, и этот акцент заставляет авторов игнорировать очень сильные политические мотивы в ее лирике. С другой стороны авторы, пытающиеся анализировать ее политические взгляды, неизбежно приходят к выводу о том, что дружба понималась ею скорее как политические связи, объединение единомышленников.

Это противоречие становится еще более очевидным, когда речь заходит не о вопросах репрезентации, а о практическом воплощении дружеских отношений — «Обществе дружбы». И если в области поэзии эти две интерпретации могут рассматриваться как взаимодополняющие, то «Общество» делает их противоречащими одну другой. Сторонники «политической» версии уделяют ему достаточно большое внимание, находят основные аргументы в анализе политических симпатий его членов, поскольку все они были роялистами. Напротив, сторонники «лесбийской» историографии предпочитают по возможности абстрагироваться от этого вопроса, обосновывая свою позицию невозможностью реконструировать действительные эротические и сексуальные практики, что с неизбежностью ограничивает предмет рассмотрения в их исследованиях литературными репрезентациями.

Обособленность «лесбийской» и «роялистской» интерпретаций творчества Оринды, как представляется, помимо прочего, отражает современное четкое разделение и противопоставление дружбы как эмоциональной, аффективной привязанности и дружбы как социальной идеи, а также дружбы и любви. Начиная с романтизма дружеские отношения четко ассоциируются исключительно с аффективной привязанностью, несмотря на то, что различного рода «инструментальные дружбы» отнюдь не исчезают. Мотив «интереса» еще задолго до этого стал активно подавляться в эстетике дружеских отношений. Пожалуй, только книги Ж. Деррида реанимируют политическое и социальное понимание дружбы.

Лесбийские исследования к тому же еще и пытаются провести границу между любовью и дружбой, выбирая в качестве критерия различения эротичность, что тоже кажется мне довольно сомнительной идеей. Применительно к XVII веку сложно говорить о такой четкой разграниченности, никакого противоречия между любовью и дружбой, аффективной привязанностью и политической лояльностью не существовало. При всей эмоциональности и интимности отношений дружба никогда не переставала быть социальным явлением, лежащим, или по крайней мере долженствующим лежать, в основе человеческого сообщества. С другой стороны политическая лояльность не была заведомо отлична от дружеских отношений, основанных исключительно на эмоциональной привязанности. Кстати говоря, Эрл Минер, который собственно заложил традицию изучения роялизма в художественной литературе, отметил сложность соотнесения любви и дружбы, ибо, согласно представлениям того времени, «наилучшей формой любви является дружба, а дружба включает эотику как один из подвидов»²⁵.

Мы здесь видим, что и в той, и в другой интерпретации игнорируются те аспекты, которые не укладываются в конструируемые логики, в которых эта оппозиция довольно легко прослеживается. Одновременно очевидна и оппозиция двух направлений исследований, двух концепций, которую нельзя свести только к различению эмоциональной и инструментальной дружбы, частного и публичного, т. е. к осознанию разности предметов исследования, при том, что объектом исследования являются одни и те же стихи и даже один и тот же концепт дружбы. Несмотря на то, что все исследования, о которых идет речь, относятся к последним двум десятилетиям, когда тема междисциплинарности, диалога между различными направлениями исследований уже стала общим местом, между этими двумя традициями не существовало никакого диалога, в текстах 90-х годов мы вообще не найдем каких либо отсылок в этих исследованиях, которые хоть как-то обозначали бы существование параллельной традиции интерпретации.

Возможно, свою роль в этом сыграл и тот факт, что гей-лесбийские исследования являются достаточно новым направлением

²⁵ *Miner E.* The Cavalier Mode from Johnson to Cotton. Princeton, 1971. P. 250.

ем, чьими изначальными интенциями были инаковость предмета исследования и конструирование истории, принципиально не совпадающей с традиционной, то есть маскулинной, и даже с женской историей. С другой стороны все это было уж слишком инаковым для традиционных историков. И в условиях, когда уже стало очевидным, что научное исследование не является строго объективным, что в нем всегда присутствуют намерения автора, это стало для авторов одним из удобных доводов, позволяющих игнорировать такого рода шокирующие направления исследований, поскольку они манифестируют, и это действительно так, определенные ценности и стремления, не совпадающие с их собственными. Так или иначе, на историографическом уровне все это вместе взятое как раз послужило формированию той курьезной ситуации, когда в зависимости от того, какое исследование вы возьмете в руки, вы увидите образ поэтессы либо роялистки, либо лесбиянки, хотя никаких логических препятствий для того, чтобы совместить одно с другим, нет.

По сути дела, обращение к дискурсам устранило логическую непротиворечивость и создавало поле для дискуссии между двумя направлениями исследований ее творчества. Поскольку авторы и того, и другого направления говорят о том, что Кэтрин Филипс заимствует мужской дружеский дискурс, то можно полемизировать о том, служил ли он способом выражения ее политических симпатий или любовных. И действительно появлялись работы авторов, которые пытались как-то устранить ограниченность каждой из интерпретаций. Но на деле, именно осознание противоречивости, того, что в рамках рассмотрения дискурсов Оринда действительно может быть или лесбиянкой, или роялисткой, позволяло сохранять дистанцию²⁶.

Основа всех противоречий в интерпретации поэзии К. Филипс заключается в том, что подавляющее большинство ее стихов посвящены женской дружбе. Кэрол Бараш, например, отметила, что «Общество дружбы», созданное Ориндой, куда входили только сторонники монархии можно считать символической поддержкой идеалов роялистов²⁷. Некоторые прозвища, данные Ориндой членам общества, она также связывает с политическим мотивами. В

²⁶ Barash C. English Women's Poetry P. 90–93.

²⁷ Ibid. P. 62.

частности «Люкасию», как называли Анну Оуэн, она связывает с принцессой «Люкастой» Ловеласа, что, по мнению исследовательницы, среди прочего выражает и поддержку идеи возвращения монархии²⁸. Анализируя дружескую поэзию К. Филипс, она приходит к выводу, что Люкасия, репрезентируемая в стихах Филипс как «монарх сердца» Оринды, являла в период междуцарствия своеобразный мистический и политический символ. Король представлял собой отсутствующего третьего, который придавал гетеросексуальность их отношению. Однако это было возможно лишь в отсутствие истинного монарха. С наступлением Реставрации женская дружба становится более проблематичной. Без короля, как отсутствующего третьего, отношения Оринды и Люкасии, как символ, теряли свой мистический потенциал, а также невинную гетеросексуальность. И тогда Оринда начинает активно переносить гомосоциальный идеал мужской дружбы на женские отношения.

Другая исследовательница, Силия Истон, подчеркивает необходимость разделения поэтического и личного «Я» писательницы:

«Стихотворения показывают, что какое бы ни было почтение к исторической (дословно — биографической, А.С.) Филипс со стороны ее мужа и знакомых мужчин, поэтесса Оринда ощущала необходимость защищать женскую дружбу как альтернативную, равную и превосходящую мужскую»²⁹.

С этим доводом сложно не согласиться, поскольку доминировавшие представления о женщинах и о дружбе, когда авторы-мужчины в лучшем случае считали необходимым объяснить, почему можно считать, что женщины способны на дружеские отношения, делает ее акцент на женской дружбе вполне оправданным сам по себе. Не столько на какой-то особенной женской дружбе, противопоставленной мужской, сколько на том, как именно женщины вообще способны на дружбу. Это простое объяснение позволяет снять многие противоречия относительно причин, по которым Оринда включала в свое «Общество дружбы» не только женщин. «Дружба», пишет Истон, переинтерпретируя слова самой Фи-

²⁸ Ibid. P. 71–75.

²⁹ Easton C. A. Excusing the Breach of Nature's Laws: The Discourse of Denial and Disguise in Katherine Philips Friendship Poetry // Early Women Writers / Ed. by A. Pacheco. L., N. Y., 1998. P. 92.

липс, — «гендерно нейтральна»³⁰, в силу того, что это союз душ, которые не имеют пола. Но Истон пытается разрешить противоречие между политическими и эротическими пристрастиями Филипс в рамках различия между дискурсом и реальностью, разделяя Филипс и Оринду. Только в отличие от первых феминистских авторов, которые настаивали на том, что все политическое в стихах Филипс это только дискурс, она делает противоположный вывод: лесбиянство тоже только дискурс. Истон объясняет это тем, что существовавший язык дружбы и язык симпатии к женщине был языком мужским. Оринда заимствует этот язык, приспособляя его к своей ситуации³¹. Навязанный мужской дискурс и попытка отказаться от мужского символизма уводит ее в мир «сапфический». Истон отвергает «феминистскую» и «лесбийскую» интерпретацию этого дискурса, в силу того, что феминизм и лесбиянство для этого времени можно считать анахронизмом. Они могут быть лишь дискурсивными особенностями ее поэтического «Я». Политический дискурс в этой ситуации оказывается в более выгодном положении, поскольку может быть соотнесен с некоторой реальностью, хотя бы с Обществом дружбы.

То же самое мы можем увидеть и в другой интерпретации. Кэтрин Грей, отмечавшая уязвимость позиции Кэтрин Филипс среди пророялистских авторов, связанную с ее происхождением и браком, а также статусом женщины, высказывает версию, что гомоэротизм, тоже как дискурс, позволял Филипс уйти от роли сексуального объекта любви, уготованного женщине в гомосоциальном мире, а также от идеи брака как центральной ценности для женщины³². Кроме этого она отмечает, что стихи Филипс, обращенные к мужчинам, создают идеализированный образ роялиста. Каждый конкретный адресат ее письма предстает центром роялистского сообщества, и эта постоянная смена центров создает сообщество равных и идеализированных сторонников монархии (не короля, как властителя над всеми, а именно монархии как идеи, уравнивающей всех ее сторонников). При этом женская дружеская лирика, с ее аффектацией единства и слияния, по ее мнению, также создает образ идеализиро-

³⁰ Ibid. P. 102.

³¹ Ibid. P. 93–94.

³² Gray C. Katherine Philips and the Post-Courtly. P. 446–447.

ванного гомогенизированного сообщества. Т. е., хотя это прямо и не говорится, проблема опять сводится к заимствованию лесбийского дискурса как удобного и полезного по тем или иным причинам. За кадром исследований остается «проблемность» этого дискурса. Почему женщины предпочитали репрезентировать не свою политическую активность, а гомоэротические отношения, хотя такая репрезентация отнюдь не была менее рискованной?

Последняя на сегодняшний момент интерпретация, примиряющая политический и лесбийский дискурсы в творчестве Оринды, и наиболее интересная на мой взгляд, представлена Лорной Хатсон³³. Ее рассуждения вызваны книгой Алана Брея «Друг»³⁴, в которой рассматриваются изменения в отношении к мужской интимности и ее телесных проявлений в течении XVII столетия. Именно работы Брея стали толчком для аналогичных исследований в области женской истории. Отсутствие рассуждений о Кэтрин Филипс в книге Брея Хатсон связывает с более общей проблемой женских исследований: насколько женская история может быть вписана в существующие дискурсы культурной истории, или же она противостоит не только самым ортодоксальным нарративам и периодизациям, но и таким «оппозиционным» по отношению к ним, каковым является книга Брея? Ее вопрос заключается в том, что если практически не существовало женского дружеского дискурса, в отличие от мужского, то релевантна ли теория Брея истории женской интимности? Ибо если, согласно Брею, тело друга присутствовало как знак формального и объективного характера дружбы, а женские отношения не имели такого характера, как и публично признанного этического статуса или же семейной или родственной полезности, то и женские телесные контакты лишь в исключительных случаях могли расцениваться как социально убедительный «дар» одного друга другому. По мнению Брея именно это служило причиной того, что женская интимность не воспринималась как дружба³⁵.

³³ *Hutson L. The Body of the Friend and the Woman Writer: Katherine Philips's Absence from Alan Bray's The Friend (2003) // Women's Writings. V. 4. № 2. 2007. P. 156–214.*

³⁴ *Bray A. The Friend. Chicago, 2003.*

³⁵ «Телу друга» в книге Брея посвящена специальная глава. См.: *Bray A. The Friend. P. 140–176.*

Однако Лорна Хатсон отмечает, что сочинения К. Филипс с самого начала носили несколько скандальный оттенок. И эта скандальность была связана не с новой сомнительностью телесной интимности в рамках традиционной этически понимаемой дружбы, а скорее с самим присвоением женщиной этического дискурса дружбы³⁶. Хатсон связывает свои размышления с выводами Виктории Кун в ее исследовании кризиса системы политических обязательств в период революции и реставрации³⁷.

Кун говорит о том, что ситуация, порожденная английской революцией и для роялистов, и для сторонников парламента, привела к осознанию того, что политические связи не являются естественными и заданными, фиксированными, и равным образом не являются рациональным выбором, а скорее выбором эмоциональным, вопросом заинтересованности. И это вызвало множество рассуждений о мотивации человеческих поступков, о том, что заставляет людей держаться вместе, что гарантирует сохранение верности обязательствам — страх или любовь и т. п. Эти вопросы в свою очередь находили разрешение в различных рассуждениях о страстях.

Хатсон обращает внимание на то, что в поэзии К. Филипс мужская традиция этической дружбы была присвоена женщиной и для роялистских целей, и кроме того — способами, которые обращались к страстям и интересам как к способным осуществить эротическое и политическое подчинение одной женщины другой.

«Это предполагает, — говорит Хатсон, — что для Филипс как для женщины-писателя трудность состояла не в том, чтобы отличить этически допустимые телесные жесты от запретных, но в самой претензии на то, что сочинения о женской дружбе могут иметь этическое и политическое значение»³⁸.

Рассуждения Лорны Хатсон, хотя напомним, что это не исследование, а только постановка проблемы, очень сближает «политическое» и «лесбийское» в творчестве Филипс, но и для нее речь не идет о сосуществовании двух равноправных дискурсов, а о том, что принятие этого нового эмоционального дискурса основополагающих

³⁶ Hutson L. The Body of the Friend and the Woman Writer. P. 207.

³⁷ Kuhn V. Wayward Contacts: the Crisis of Political Obligation in England, 1640–1674. Princeton, 2004.

³⁸ Hutson L. The Body of the Friend and the Woman Writer. P. 210.

принципов человеческих взаимоотношений, сделало из нее лесбиянку. Отчасти это коренится в самом представлении о характере поэзии Оринды, поскольку занятие литературным творчеством само по себе считалось делом публичным, тем более для женщины. В данном случае многие стихи К. Филипс, адресованные влиятельным персонам, еще более подчеркивают публичный характер ее творчества. Но при этом, как я уже сказала, по мнению Хатсон проблемными были не сами ассоциации с гомоэротическими отношениями, а претензии на этический и политический статус, то есть на сферу публичного и одновременно на сферу мужского.

Здесь пока мне видится больше вопросов, нежели ответов. Например, если проблемность, скандальность заключается в том, о чем говорит Лорна Хатсон, то тогда почему многие современники Филипс, в частности издатель ее стихов (Коттерел) готовы были принять ее политическую значимость и активно репрезентировали ее именно как роялистку, но не активность в любовной сфере, хотя именно она была одной из немногих «признанных» способов для женщин принимать участие в политике?

Дружба для Филипс превыше всех остальных отношений, поскольку это единственные отношения, где женщина сама может контролировать выбор и быть активной стороной. Оринда говорит о том, что женщины имеют превосходство дружбе, т. к. мужчины слишком заняты завоеваниями. Это возвращает нас к общественной ценности дружбы, дружба — основа благополучного общества. Женщина традиционно рассматривалась как миротворец с одной стороны, и как существо, находящееся преимущественно под влиянием эмоций, а не разума — с другой. Здесь все сходится вместе. И мне кажется, что те изменения в восприятии социально значимых общественных связей, о которых рассуждает Виктория Кун, действительно дают Филипс возможность одновременно репрезентировать свои отношения с подругами и как очень страстные, и как политически значимые. Лорна Хатсон также писала, что возможно изменения в понимании тела друга как дара могут иметь не столь важное значение для женской дружеской поэзии, как революционный подъем, который сделал возможным употребление материалистических дискурсов страсти и интересов для выражения определенной экономии страстных обязательств между женщинами.

Возможно даже, что в этой ситуации политическая и социальная значимость напрямую коррелировала как раз со степенью эмоциональности, причем эта корреляция оказывалась значимой именно для женщин пытающихся вмешиваться в мужскую сферу политики. То есть, дело не в том, что новые представления о политических связях как побочное действие имело возникновение эффекта однополого эротизма в творчестве женщин–писательниц, которые стремились утвердить свое право на участие в сфере политического. Мне кажется, что скорее и то, и другое было значимым для женщин как способ репрезентации собственной активности и способности к активности, которая в XVII веке считалась отличительным свойством мужского организма и характера.

Это делало дружеский дискурс, причем социальный и эмоциональный одновременно, привлекательным для женщин, особенно стремившихся репрезентировать свою активность. Конечно, было бы не вполне верно снимать все противоречия. Возможно именно активность женщин, при одновременном подчеркивании эмоциональности нагружало репрезентацию отношений между ними сексуальными коннотациями и делало сочинения Филипс столь неоднозначными. Эмоциональность сферы политического, политических связей, делала ее более женской, что неизбежно должно было привести к определенным трансформациям. Но попытка женщин воспользоваться этой ситуацией через дискурсы эмоциональности и активности оказалась провальной и привела к совершенно иным результатам. Ведь для XVII века не существовало четкой взаимосвязи между эротикой и сексуальностью, и то, что исследуется в качестве лесбиянства, рассматривается не как гомосексуализм, а как гомозротизм, который не обязательно вписывался в дихотомию активного и пассивного (она была значима как раз для сферы сексуального). И именно репрезентация активности, акцент на ней, сделали к началу следующего века репрезентации женской эротизированной и политизированной дружбы демонстрацией сексуально неприемлемого поведения. До конца XVII века практически не было обвинений женщин в содомии, она считалась физически невозможной. Женщин обвиняли лишь в попытках присвоить себе мужскую роль. Потом они появляются.

Возможно для Кэтрин Филипс именно сомнительность таких коннотаций, при том, что в условиях Реставрации ей еще важнее было подчеркнуть свою пророялистскую позицию, учитывая, что ее муж подвергся опале как сторонник Кромвеля, в конце концов вызвала уменьшение числа гомоэротических стихов к близким подругам, и увеличение числа эмоциональных воспеваний новой власти. Вполне вероятно, что это была ее попытка уйти от того сомнительного эффекта, который вызвали ее стихи. И стихотворные послания к новым, причем влиятельным подругам, гораздо более сдержанны.

Откровенность сочинений последовательниц К. Филипс — Афры Бен, Деларивьер Мэнли, которые уже воспринимались как нарочито неприличные, как определенный эпатаж, вызывают в памяти связь между сексуальным и политическим в рассуждениях Роберта Дарнтон и Линн Хант³⁹ о том, что наиболее откровенно сексуальные тексты времен французской революции рассматривались как атака на политические элиты. Лесбийский дискурс оказывается задействован именно у женщин, пытавшихся отстоять свое право на политическое мнение. И то, что женщины связывали свои претензии на социально значимое поведение именно с активностью, которая в сочетании с эмоциональностью оказывалась нагруженной сексуальными коннотациями, еще больше проблематизировало природу и характеристики политического.

*Стогова Анна Вячеславовна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центра гендерной истории
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938-53-91,
E-mail: genderhistory@gmail.com*

³⁹ *Darnton R. Forbidden Best-Sellers of Rre-Revolutionary France. N. Y., 1996; Hunt L. Pornography and French Revolution // The Invention of Pornography. Obscenity and the Origins of Modernity, 1500-1800 / Ed. by L. Hunt. N. Y., 2003. P. 301-340.*